

УДК: 81.2.2

Л. В. Озолия

Институт филологии СО РАН

О структурной и семантической соотносимости грамматических единиц языков типологически различных систем*

Ч. III. Глагол как грамматический класс
(на материале орокского и русского языков)

Статья посвящена сопоставительному анализу лексических единиц, входящих в орокском и русском языках в грамматический класс глагола. Эти единицы реализуют общеграмматическое значение действия, протекающего во времени, за которыми закреплена функциональная позиция сказуемого в составе предикативной конструкции (простого предложения). При соотносимости основных грамматических категорий глагола – наклонение, время, спряжение, модальность – в сопоставляемых языках выявлен ряд структурных особенностей глагола в орокском языке, определяющихся семантическими характеристиками глагольной основы. Отличие семантической структуры производной основы глагола в тунгусо-маньчжурских языках от семантической структуры глагола в языках с наличествующей категорией вида заключается в ее более сложной организации: «чистая» производная основа реализует видовую корреляцию, фактически является двувидовой.

Ключевые слова: глагол, парадигма, оппозиция, вид, наклонение, время, спряжение, модальность.

Всякий язык представляет собой структуру, в которой могут быть выделены семантический, синтаксический, морфологический и номинативный компоненты, что позволяет ему функционировать как системе. Соотношение типологически различных языков предполагает выявление именно не имеющих аналогов, специфических языковых компонентов, и наибольший интерес в плане соотношения языковых средств, оформляющих эквивалентную семантику в типологически различных языках, представляют морфологический и синтаксический компоненты.

Морфологический компонент языка основывается на парадигматике в узком смысле, собственно на морфологических парадигмах. В основе выделения всякой морфологической парадигмы как системы форм лежат основные морфологические категории, выступающие одновременно как дифференциалы и как маркеры структурных элементов языка (классифицирующие категории, лежащие в основе выделения грамматических классов и поддерживающие распределение лексических единиц на классы по грамматическим основаниям).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-04-00117.

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора тунгусо-маньчжуроведения ФГБУН Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация, e-mail: larisa-3302803@rambler.ru, тел: 89059512428.

Все парадигмы с точки зрения внутреннего устройства могут быть разделены на три типа, в основе первых двух – формальные показатели, на основе которых выделяются *эквивалентная* (у каждого компонента свой маркер, например: личное и возвратное притяжание и др.) и *бинарная* оппозиция (немаркированный/маркированный компонент, например: падеж, время и т. п.), третий тип выделяется по семантическим основаниям (контекстуальная оппозиция или оппозиция детализаторов).

Внутренняя противоречивость объединения в грамматический класс глагола лексических единиц ни функционально, ни семантически, ни на основании общекатегориальных характеристик не сводимых к некому гармоничному единству, оставляет вполне актуальным вопрос о границах грамматической системы глагола в тунгусо-маньчжурских языках.

Условность термина «форма» в грамматике применительно к глаголу выступает со всей очевидностью: традиционно под грамматической формой подразумевают морфологическую «разновидность слова ..., характеризующуюся определенным комплексом грамматических значений ... *при словоизменении* (курсив мой – Л.О.)» [Бондарко, 1979, с. 278]. Иными словами, грамматическая форма предполагает вариации в рамках *одного* лексического значения в составе *одной* и той же парадигмы (например, склонение или спряжение, вид, время и пр.), тогда как в «классе глагола» в русском и орокском языке мы обнаруживаем единицы с общеграмматическим значением процесса, с одной стороны, атрибута (причастие), адверба (деепричастие), а в орокском еще и предмета (отглагольные имена) с другой. Фактически единицы спрягаемые, склоняемые или нейтральные в отношении словоизменения оказываются единицами одного грамматического класса, квалифицируясь как «особые формы».

Такое объединение в русском языке оправдано наличием, например, у причастия как «особой глагольной формы», суффиксально выраженной темпоральной оппозиции «наст. в. ↔ прош. в.», а у деепричастия – категорией вида, свойственной русскому глаголу, и квалификацией форм как финитные и инфинитные, собственно вербы (глаголы) и вербоиды (отглагольные образования).

В тунгусо-маньчжурских языках – языках суффиксально-агглютинативной типологии, объединение в класс «глагола» отглагольных образований атрибутивной семантики – причастий-прилагательных – на основании функциональных и морфологических показателей (суффиксальный показатель мн. числа имени существительного), возвратно-притяжательных форм деепричастий-наречий (категория возвратного притяжания охватывает исключительно класс имен существительных) и так называемых «особых глагольных форм», функционально-ограниченных (синтаксическая позиция обстоятельства) и морфологически кодифицированных (обязательное лично- или возвратно-притяжательное оформление) – форма цели, условно-временная форма, форма несостоявшегося действия и др., – носит весьма условный характер.

Глагол определяется как грамматический класс слов, выражающих действие, класс слов со значением «признака подвижного, реализующегося во времени» [ЛЭС, 1990, с. 104], функционально закрепленного за позицией предиката в составе синтаксической конструкции (простого предложения). Глагол противопоставляется имени существительному по набору грамматических категорий: основное формобразование имен существительных связано с категорией склонения (падежа и числа) и – в тунгусо-маньчжурских языках – с категорией поссессивности; глаголов – с категориями наклонения, времени и спряжения, а в русском языке еще и вида. Реализуя значение действия, связанного с моментом речи, т. е. протекающего в абсолютном времени, глагол резко отличается от причастий (даже при суффиксальном выражении категории темпоральности, например, действительные причастия настоящего и прошедшего времени, в том числе субстантивированные) и деепричастий, категория времени которых носит относительный характер, т. к. не связана с моментом речи напрямую, соотносясь по темпоральным характеристикам с «привязанным» к моменту речи временем глагола, выступающего в синтаксической позиции предиката.

Собственно соотнесение инвентаря, семантики и структуры единиц класса «глагол» в типологически различных языках связано с выявлением соответствий и несоответствий в структурной организации глагольной системы, в средствах реализации основных грамматических категорий глагола: наклонения, спряжения, залога, времени и вида. Глагольные категории спряжения и залога вполне соотносительны в русском и орокском языках, тогда как категории наклонения и времени варьируют и в структурном, и в семантическом плане. Специфичность их реализации в орокском языке основывается на отсутствии в нем грамматической категории вида, определившем особенности темпоральных форм.

Вид в современной аспектологии определяется как грамматическая категория, как оппозиция или корреляция форм, противопоставленных по грамматическому значению [Маслов, 1965, с. 55]. В русском языке категория вида традиционно связана с категорией времени, что проявляется в невозможности образования определенных временных форм от глаголов того или иного вида. Так, невозможно образование семантических форм настоящего времени от глаголов совершенного вида: это всегда настоящее относительное, т. к. по семантическим характеристикам это фактически будущее. В некоторых агглютинативных языках видовое противопоставление достаточно часто вообще не отделяется от временного: при отсутствии в контексте «лексических показателей, противоречащих временным значениям, форма, обозначающая завершённое действие, автоматически обозначает прошедшее время, а форма, служащая для обозначения протекающего действия, – настоящее время» [ЛЭС, 1990, с. 84]. Для реализации конкретного видового значения на уровне лексической единицы, образованной от первичной непроеводной основы, в орокском языке требуется дополнительное оформление словообразовательными суффиксальными показателями аспектуальной семантики при обязательном присоединении формообразовательных темпоральных суффиксов в сочетании с лично-числовыми показателями.

Отличие семантической структуры непроеводной основы глагола в тунгусо-маньчжурских языках от семантической структуры глагола в языках с наличествующей категорией вида заключается в ее более сложной организации. «Чистая» непроеводная основа глагола в орокском языке реализует видовую корреляцию, фактически являясь двувидовой: первичная глагольная основа без дополнительного суффиксального оформления и вне контекста включает множество лексико-семантических вариантов, характеризующихся как инфектные, перфектные, и имперфектные образования одновременно, эквивалентные приставочно-суффиксальным глагольным лексемам русского языка. Это отмечала на материале эвенского языка и К. А. Новикова: «В пределах одной глагольной основы может быть несколько видовых форм» [Новикова, 1980, с. 42].

Как категория грамматическая вид в орокском языке, безусловно, отсутствует. Отсутствие грамматического вида у первичной основы глагола (и соответственно у образованных от нее личных словоформ) на уровне предикативной конструкции компенсируется различными лексическими или лексико-синтаксическими языковыми средствами, на уровне словоформы – морфологическими. Для оформления аспектуальных характеристик глагольной основы при необходимости используются различные комбинации типа:

‘непроеводная основа’ + ‘словообразовательный условно-видовой суффикс совершенного вида (начинательности, однократности, результативности и т. п.)’ + ‘суффикс прошедшего времени’ ⇒ ‘совершенный вид’;

‘непроеводная основа’ + ‘суффикс будущего I времени’ ⇒ ‘совершенный вид’;

‘непроеводная основа’ + ‘суффикс настоящего времени’ ⇒ ‘несовершенный вид’;

‘непроеводная основа’ + ‘условно-видовой суффикс несовершенного вида (длительности, повторности, намерения, неполноты действия и т.п.)’ + [‘суффикс настоящего времени’/ ‘суффикс прошедшего времени’] ⇒ ‘несовершенный вид’ и т.п.

Соответственно формы, лишенные формообразовательных суффиксов прошедшего, настоящего или будущего времени, но присоединяющие словообразовательные условно-видовые показатели несовершенного вида, например, суффикс длительности действия, повторности и т.п. маркируются и условно квалифицируются как несовершенный вид. Однако целесообразнее говорить о семантико-синтаксической природе вида в орокском языке: видовая характеристика в большей мере определяется контекстуальным окружением глагольного предиката.

Д. М. Насилов, исследуя категорию вида, отмечал, что «... истинные видовые значения в алтайских языках могут быть выделены и описаны в рамках видо-временной системы» [Насилов, 1971, с. 366–368], хотя «возможно, следовало бы в данном случае вообще отказаться от слова ‘вид’» [Насилов, 1978, с. 89].

Не совсем корректна попытка рассмотрения вида на материале орокского языка в такой его разновидности как акционсарт – по-разному выражаемые в глаголе созначения, семантически сопоставимые с категориальными формами вида [Ахманова, 1966, с. 75]. Для непроеводных глагольных, так называемых «чистых» основ в большинстве тунгусо-маньчжурских языков характерна семантическая двуплановость: в основе уже наличествуют и инфект – значение незавершенности действия, и имперфект, и перфект как обозначение результата некоего действия. Эта основа выступает одновременно как основа совершенного и несовершенного вида. Видовые созначения в орокском языке выражаются на уровне предикативной конструкции абсолютно одинаково, одними и теми же темпоральными

ми формами глагола, вид определяется исключительно контекстом. В составе предикативной конструкции в комплексе «работают» грамматические показатели (условно-видовые словообразовательные суффиксы + суффиксальные показатели времени), лексические и синтаксические средства. Например, в зависимости от контекста *уч-чи-ни* ‘он говорил’ и ‘он сказал’ < *ун-* ‘говорить’, ‘сказать’; *нэнэ-хэм-би* ‘я уходил’ и ‘я ушел’ < *нэнувури* ‘уходить’, ‘уйти’, ср. *вѣури* ‘убивать’, ‘убить’; *бувури* ‘умирать’, ‘умереть’ и др.

Отсутствие категории вида определило в орокском языке развитие разветвленной системы словообразовательных условно-видовых суффиксов. В системе реализаций видовых значений орокского глагола большую роль играют не столько его временные характеристики, сколько тесно связанные с ними способы глагольного действия – семантико-словообразовательные разряды глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации или семантические трансформации значений с точки зрения временных, количественных и специально-результативных характеристик. Средства выражения характера протекания действия – способы глагольного действия – не есть аналог системы противопоставленных друг другу форм вида. Они выступают как средства, дополняющие грамматическую систему и позволяющие при необходимости вне контекста маркировать ту или иную форму как видовую, конкретизируя ее лексическое значение.

Залог как «грамматическая категория глагола, выражающая различные отношения между субъектом и объектом действия» [Ахманова, 1966, с. 152] представлен в орокском языке не только действительным и страдательным, которые реализуются на словообразовательном уровне через систему суффиксальных показателей, квалифицируемых как условно-залоговые (часто – и залогово-видовые): *-вун / -бун / -пун / -ун;* *-да / -до / -дэ;* *-гатчи / -гэтчи / -готчи;* *-пала / -пэлэ;* *-пта / -птэ / -пту*, см. *асила-вун-* ‘женить’ < *асила-* ‘жениться’; *чунгу-дэ-* ‘ломаться’, ‘сломаться’ < *чунгу-* ‘ломать’, ‘сломасть’; *вэдэ-пту-* ‘теряться’, ‘потеряться’ < *вэдэ-* ‘терять’, ‘потерять’ и др. Помимо этих вполне соотносительных с активным и пассивным залогами русского языка, оформляющими отношения возвратности и переходности, в орокском языке наличествует не имеющий аналогов в русском языке взаимный залог. Он обозначает совместное действие двух субъектов, переходящее с одного из них на другой при отсутствии иного объекта действия. Суффиксальным показателем взаимного залога является суффикс *-матчи / -мотчи / -мэтчи:* *сори-матчи-* ‘биться’, ‘сражаться’, ‘сразиться друг с другом’ < *сори-* ‘биться’, ‘сражаться’, ‘сразиться’; *дувэли-мэтчи-* ‘обмениваться’, ‘обменяться друг с другом’ < *дувэли-* ‘обменивать’, ‘обменять’; *атали-матчи-* ‘встречаться’, ‘встретиться друг с другом’, *аталили-нда-матчи-* ‘идти’, ‘пойти навстречу друг другу’ < *атали-* ‘встречать’, ‘встретить’ и др.

Наклонение как «грамматическая категория глагола, выражающая отношение содержания высказывания к действительности» [Ахманова, 1966, с. 248] с точки зрения говорящего, как грамматический способ выражения модальности представлено в орокском языке:

- 1) индикативом, соотносительным с русским изъявительным наклонением;
- 2) конъюнктивом, соответствующим русскому сослагательному наклонению;
- 3) императивом, формы которого, в отличие от повелительного наклонения русского языка, дифференцированы в темпоральном отношении
- 4) несколькими парадигмами не имеющего аналогов в русском языке юссива, – побудительного или побудительно-понудительного наклонения, – варьирующими в формах лица и суффиксальном оформлении. Юссив в орокском языке выделяется как самостоятельное наклонение по семантическим и формальным основаниям: формы юссива обозначают реально осуществляемое в настоящем времени действие, выражая побуждение с элементами обязательности, «понуждения», направленного на самого себя (формы 1 лица единственного числа), на соучастника действия (формы 1 лица множественного числа, включая говорящего) или на третьих лиц (формы 3 лица единственного и множественного числа). «Побуждение» отнесено к субъекту или субъектам действия 1-ого и 3-его лица единственного и множественного числа. В русском языке побудительные формы повелительного наклонения отнесены к субъектам 1-го лица множественного числа.

Императив в орокском, в отличие от русского языка, представлен двумя парадигмами: формы настоящего и будущего времени 2 лица единственного и множественного числа. Формы настоящего времени образуются от первичной глагольной основы, в зависимости от типа, через присоединение суффиксов *-в / -у / -ру* в единственном числе. В формах множественного числа к формам императива единственного числа, добавляются суффиксы суффиксов *-су / -ру* (с выпадением для основ IV типа *-р* в суффиксе единственного числа *-ру – -усу*). Они вполне соотносимы с формами русского императива. Формы будущего времени (семантически – это отдаленное от момента речи волеизъявление) образуются через присоединение к первичной основе глагола в единственном числе суффиксов *-сари /*

-сэри / -тэри (для основ, оканчивающихся на *-н > т* в результате ассимиляции) и суффиксов *-сари-су / -сэри-су / -тэри-су* во множественном числе и не имеют эквивалентов в русском языке.

Юссив в орокском языке представлен тремя парадигмами, также неполными в отношении лица. Юссив I включает формы 1 лица единственного и множественно числа, образуется от глагольных основ настоящего времени через присоединение суффиксов *-та / -тэ* в единственном числе и *-ңатта (-ңатта) / -ңэптэ (-ңэптэ)* во множественном числе), см. *ңэни-тэ пойду-ка я (ед. ч.)* и *ңэнэ-ңэптэ ~ ңэни-ңэптэ* ‘пойдем-ка мы (мн. ч.)’ [*ңэни-* основа наст. вр. + *-ңэ-* + *п(у)* личн. суф. 1 л. мн. ч. + *-тэ* формообразоват. суф.]; *тулэнди-тэ* ‘отправлюсь-ка я ставить сети’ [*тулэ-* ‘ставить сети’ + *-ндэ* ‘идти’, ‘отправляться’ + *-тэ* формообраз. суф.] и *тулэндэңэптэ ~ тулэндэңэптэ* ‘отправимся-ка мы сети ставить’ и др. Условно может быть соотнесен с побудительными формами русского языка, образованными от основ глаголов совершенного вида.

Юссив II представлен формами 1 лица множественного числа, образуется от основ настоящего времени через присоединение суффикса *-су* (показатель омонимичен суффиксу, образующему формы императива настоящего времени 2 лица множественного числа) и обозначает побуждение к немедленному действию, обозначенному глаголом несовершенного вида, см. *бу дунне тугдэлэмбэри талдандуни тэрису!* ‘мы оба на середину того моста садимся-ка’ / ‘усаживаемся-ка’; *бу дувэллису!* ‘мы меняемся-ка’ / ‘обмениваемся-ка’ и др., не имеет семантического соответствия в русском языке.

Юссив III (в ряде тунгусо-маньчжурских языков – понудительное наклонение) включает формы 3 лица единственного и множественного числа (суффикс *-рај / -рэј / -рој / -эј* (от основ на *-н, -р*) + суффиксы 3 л. ед. или мн. ч.) и соответствует аналитическим побудительным формам, образованным от глаголов совершенного вида: ‘давай-ка пусть сделает’, ‘давай-ка пусть сделают’, см. *ча сулимбэ ва-рај-ни* ‘ту лисицу он давай-ка пусть убьет’; *нарисал ун-эј-чи* ‘люди давай-ка пусть скажут’ и др.

В ряде тунгусо-маньчжурских языков северной группы словоформа, суффиксально соотносимая с формой орокского юссива II, квалифицируется как форма императива 1 лица множественного числа. В нанайском форма орокского юссива III суффиксально соотносится с формой II будущего времени индикатива, но в плане образования, а также в семантическом и функциональном плане орокские формы имеют ярко выраженные отличия.

Категория **темпоральности** в орокском языке распространяется на формы индикатива и императива. Грамматическое время представляет собой парадигму на основе бинарной оппозиции и характеризуется формальными средствами выражения, в том числе нулевыми. В орокском языке, как и в русском, категория темпоральности в индикативе представлена трехчленной оппозицией: настоящее (презент), прошедшее (перфект) и будущее (футурум), в императиве – двучленной: настоящее и будущее.

Формы настоящего времени индикатива в орокском языке всегда маркируются темпоральными показателями, варьируемыми в зависимости от типа основы, и лично-числовыми суффиксами. Они реализуют значения:

1) настоящего актуального, напрямую соотносящего действие с моментом речи: *эси бу унитаккери нэни-пу* ‘сейчас мы идем к своей реке’; *эсинэни тугдэллэни, нулими нэнэври орқи* ‘сегодня идет дождь, идти гулять нельзя’;

2) настоящего неактуального, значением которого является выражение процесса, совершившегося ранее, совершающегося постоянно или регулярно, не связанного непосредственно с моментом речи: *мана инэн-инэни нурэттэи нэнэни* ‘старик каждый день в лес ходит (=ходил и ходит)’; *чини тари нари нэнхэндунни мана дукутакки ирини, итчэни* ‘вчера, когда тот мужчина ушел, старик в дом входит и видит (= вчера старик вошел в дом и увидел)’ и др. Настоящее неактуальное достаточно регулярно используется ныне в орокском языке для обозначения действия в прошлом, которое представляется вполне завершенным или осуществленным (фактически – функция перфекта), что является, на наш взгляд, результатом «расшатывания» грамматической системы под влиянием русского. Такое использование настоящего неактуального является нормой и обусловлено категорией вида. В орокском языке эквивалентную семантику традиционно реализуют глаголы производных основ (первичная основа + суффиксы обычности, регулярности, многократности действия и пр.) или в составе конструкции – лексические средства – временные и повторительные, так называемые «многократные», наречия: *мана нурэттэи баралта нэнэни* ‘старик в тайгу много раз ходит’; *чинэ поктола нэнэми нэмбони аталлэви вчера* ‘иду по дороге и встречаю ее (букв.: иду по дороге, встречаю)’ и др.

Прошедшее время индикатива в орокском языке всегда выражено маркированной, оформленной суффиксами прошедшего времени формой глагола, которая указывает на то, что результат или след-

ствие ситуации, имевшей место в прошлом, сохраняется к моменту речи. Значения прошедшего времени в орокском языке реализуются:

1) перфектом; процесс, совершившийся в прошлом, завершился и в настоящем наличествует его результат, что соответствует значению русских глаголов совершенного вида: *тари нари эр бојомбо вайхани* 'тот мужчина этого медведя **убил**'; *пурилну осколоттой нэнугэчи* 'наши дети **ушли** в школу';

2) имперфектом; процесс, совершившийся в прошлом, фактически не завершен, что соответствует в русском языке значению глаголов несовершенного вида: *гатаниуану мы ходили по ягоды*; *тари сэвэсэл мэн-мэндбло уччичи* 'те божки-сэвэны между собой **говорили** (разговаривали)'; *чине сэксэду тугдэлэхэни-тэни* 'вчера вечером тоже **шел** дождь';

3) аористом; процесс или его результат разобщен с планом настоящего, независимо от завершенности или незавершенности действия: *чине нбни гатанихани* 'вчера она **ходила** (сходила) по ягоды'; *мапануни горо буччини, чбччи буччини-тани* 'ее старик (муж) долго умирал, потом все-таки **умер**' и др.;

4) нарративом, или прошедшим повествовательным; процесс, совершившийся в далеком прошлом: *геда уни дэрэндуну мапа-ја мама-ја битчичи* 'в верховье одной реки **жили-были** старик со старухой'; *геда хото содуни геда нари битчичи* 'на краю одного селения жил-был один человек' и др.

В целом финитные формы прошедшего времени, образованные от глаголов совершенного вида в русском языке, функционально и семантически соответствуют орокским формам с аористическим и перфектным значением; формы перфекта, образованные от глаголов несовершенного вида, – орокскому имперфекту; формы нарратива контекстуально соответствуют перфекту, имперфекту и аористу.

Будущее время индикатива в орокском языке реализует, как и в русском, два значения:

1) абсолютное, или актуальное: действие последует либо за моментом речи, либо будет осуществлено в будущем, относительно события, принимаемого за точку отсчета. Оно реализуется через маркированные формы с суффиксальными показателями будущего времени: *би эттэ путтэби синдалагаччи сил'л'блоси-ла-ни* 'дочка придет и **сварит** суп (букв.: придя, сварит)'; *бу горо аври-тта* 'потом мы будем долго спать'; *эсиуси бурэ, би симбе вайри-ла-ми, дэпчи-лэ-ми* 'если не дашь, я тебя **убью** (и) **сьем**';

2) относительное, или неактуальное, не-собственно настоящее: действие будет совершено в будущем относительно некоего события вне связи с моментом речи. Реализуется через маркированные формы – суффиксы настоящего времени – и в контексте оформляется лексико-синтаксическими средствами: *чимана мапа пурэттэи нэннэни* 'завтра старик **идет** (отправляется) в лес (букв.: назавтра **пойдет**)'.

Формы будущего актуального времени индикатива в орокском языке представлены двумя типами: будущее I (суффиксы *-ла/ -лэ*) и будущее II (суффиксы *-та / -тта / -тэ / -ттэ*). Они дифференцируются по грамматическим средствам выражения и характеристикам времени, которое может быть определено как совершенное ближайшее или как потенциальное отдаленное. Формы будущего I времени представлены полной парадигмой, дифференцируются в отношении лица-числа (кроме форм 3-его лица, обычно лишенных личных показателей) и семантически эквивалентны аналитическим и синтетическим формам будущего времени глаголов совершенного и несовершенного вида в русском языке. Формы будущего II времени, характеризуются неполнотой парадигмы, т. к. используются применительно к субъекту действия 1-ого или 3-его лица; не дифференцируются в отношении числа, выступают как формально безличные (у них отсутствуют лично-числовые показатели) и семантически эквивалентны синтетическим формам настоящего (не-собственно будущего) времени глаголов совершенного вида в русском языке. Возможно, данная форма является более архаичной, чем форма будущего I, т. к. в настоящее время она функционально ограничена фольклорными текстами и не встречается в разговорной речи.

Формы будущего времени императива (отдаленное будущее), представленные формами 2 лица единственного и множественного числа, не имеют русских семантических эквивалентов. Условно они могут быть соотнесены с формами будущего времени индикатива в русском языке, образованными от глаголов совершенного вида с оттенком императивности.

Специфической чертой орокского языка является отсутствие синтетических или суффиксальных отрицательных форм глагола, имеющих широкое распространение в большинстве тунгусо-маньчжурских языков северной и южной группы, особенно в нанайском и ульчском. Как отмечал И. В. Кормушин: «Морфологии орокского языка свойственны некоторые отличия от других тунгусо-маньчжурских языков южной группы, к которой он относится» [Кормушин, 1990, с. 350]. Если в структурном плане отрицательная семантика глагола в русском языке, независимо от склонения,

формируется прибавлением к спрягаемой форме отрицания *не*, то в орокском языке образование отрицательных словоформ связано с наличием спрягаемого отрицательного глагола *э-* ‘не делать’, ‘не быть’, ‘не являться’, ‘не становиться’. Все отрицательные формы глагола являются аналитическими: образуются через присоединение к основному глаголу в особой форме, которая определяется характером основы, вспомогательного отрицательного глагола *э-* в форме любого наклонения, т. е. все отрицательные формы орокского глагола «являются сложными» [Петрова, 1967, с. 107].

Отрицательный вспомогательный глагол изменяется по наклонениям, в индикативе спрягается, прошедшее время представлено двумя парадигмами. Семантическая составляющая (основной глагол) представлена неизменяемой первичной глагольной основой или допускает расширение, в зависимости от типа, через присоединение суффиксального показателя *-ра/-рэ* или *-да/-дэ* (исключением являются формы II прошедшего времени, где семантическая часть – спрягаемый основной глагол) и квалифицируется как особая форма основного глагола.

В индикативе отрицательный глагол *э-* ‘не делать’, ‘не сделать’ спрягается. При этом спряжение отличается рядом особенностей. В настоящем времени форма I лица единственного числа отрицательного глагола представлена в двух вариантах: *эси-ви* и *эсу / эсу-в* (как результат губного притяжения): см. *эси-ви / эсу-в / эсу ундэ* ‘я не говорю’; *эси-си ун-дэ* ‘ты не говоришь’; *эси-чи ун-дэ* ‘он не говорит’ и т. д.

Прошедшее I время образуется через присоединение к спрягаемой форме отрицательного глагола в прошедшем времени основы глагола в соответствующей форме: *эт-чим-би га-да* ‘я не брал’; *эт-чи-си га-да* ‘ты не брал’; *эт-чи-ни га-да* ‘он не брал’ и т. д.

Прошедшее II время образуется через присоединение к неизменяемой форме *этчил* (омертвевшая форма активного причастия прошедшего времени множественного числа отрицательного глагола *э-* ‘не делать’, ‘не сделать’, в функциональном плане эквивалентная русской отрицательной приглагольной частице *не*) и спрягаемой формы основного глагола, см. *(би) этчил гада-ми* ‘я не брал’; *(си) этчил гада-си* ‘ты не брал’; *(нони) этчил гада-чи* ‘он не брал’ и т. д.

В составе отрицательных форм будущего I времени основа спрягаемого отрицательного глагола представлена в двух вариантах: *эси-лэ-* и *э-ли-*, в составе будущего II времени – в варианте *э-ңэ-* (в форме ед. ч.) и в варианте *э-нэ-л-* (в форме мн. ч.): *эси-лэ-ми / э-ли-в(и) ун-дэ* ‘я не скажу (не буду говорить)’; *эси-лэ-си ун-дэ* ‘ты не скажешь (не будешь говорить)’; *эси-лэ-ни ун-дэ* ‘он не скажет (не будет говорить)’ и *э-ңэ-ми ундэ* ‘я не буду говорить’; *э-нэ-си ундэ* ‘ты не будешь говорить’; *э-нэ-л ундэ* ‘они не будут говорить’ и т. д.

Отрицательные формы императива оформляются через формы 2 лица настоящего времени отрицательного глагола *э-* ‘не делать’, ‘не сделать’ в вариантах *эдде / эдди / эди* в ед. ч. и *эдде-су / эдди-су / эди-су* во мн. ч. + основной глагол в соответствующей форме: *э-дде ңэнэ не ходи* и *э-дде-су ңэнэ не ходите*, *эдди бурэ* ‘не давай’ и *эди-су бурэ* ‘не давайте’.

Отрицательные формы конъюнктива образуются от основ настоящего времени отрицательного глагола *э- не (делать)* в варианте *эди-* + *суф. буд. вр. -лэ* + *суф. прош. вр. -хэн-* (*-рэ*) + *личный суффикс глагола* и основного глагола в соответствующей форме, например: *эди-лэ-хэм-би сѳра* ‘я не знал бы’, *эди-лэ-рэ-пу сѳра* ‘мы не знали бы’; *эди-лэ-рэ-си сѳра* ‘ты не знал бы’, *эди-лэ-хэ-су сѳра* ‘вы не знали бы’; *эди-лэ-хэ-ни сѳра* ‘он не знал бы’, *эди-лэ-рэ-чи сѳра* ‘они не знали бы’ и др. Отрицательные формы конъюнктива выступают как синтаксически ограниченные – в составе монопредикативной структуры используются в функции предиката с обстоятельством, выраженным possessивной конструкцией с отпричастным кондиционализмом в качестве второго компонента, что соответствует русскому придаточному условия в составе сложноподчинного предложения: *би этчин ундэ биутэве си эдилэрсѳи сѳра* ‘если бы я не сказал, ты **не знал бы** (букв.: при бытѳе моего не говорения)’ и др.

Несмотря на структуру отрицательных форм глагола в орокском языке, семантически и функционально они вполне соотносимы с русскими отрицательными формами.

В орокском языке категория модальности реализуется на грамматическом уровне через систему наклонений, на словообразовательном – через модальные глагольные суффиксы, на лексическом уровне – через модальные глаголы положительной и отрицательной семантики, что фактически не находит соответствия в русском языке. Объективная модальность организуется в систему противопоставлений и дифференцирована по признаку временной определенности/неопределенности. Временной характеристикой в орокском языке обладают формы двух наклонений: индикатива и императива. В русском языке категория темпоральности реализуется исключительно в индикативе. В тунгусо-маньчжурских языках модальные отношения выражают не столько формы наклонений, сколько собственно модальные, условно-модальные и контекстуально-модальные глаголы. Модальные глаголы в

орокском языке представлены положительными и отрицательными. К положительно модальным в орокском языке могут быть отнесены два глагола: *муттэ- / мутэ-* ‘мочь’, ‘уметь’ и *сā- / са-* ‘уметь’, ‘мочь’, что вполне соответствует русским эквивалентам. К отрицательно модальным могут быть отнесены так называемые «отрицательные глаголы», как квалифицировала их О. А. Константинова [Константинова, 1964, с. 169]: *алба-* ‘не мочь’, ‘быть не в состоянии (сделать)»; *мэ-* ‘не мочь’, ‘быть не в состоянии»; *ида-* ‘не мочь’, ‘быть не в состоянии’ и *тэтэн-* 1) ‘не мочь’, ‘быть не в состоянии (сделать)»; 2) ‘не уметь’. Квалификация этих глаголов как отрицательных не вполне объективна: они не столько отрицательные, сколько модальные. Реальной задачей этих глаголов является формирование модального (а именно – ирреального) плана высказывания. Модальные глаголы используются исключительно в формах индикатива, реализуя только два временных плана – презенс и перфект, будущее время отсутствует. Кроме того, в парадигме наличествуют аналитические отрицательные словоформы (финитная форма отрицательного глагола -э + основа модального глагола), формируя двойное отрицание ‘не не мог (сделать)’.

Глаголы *алба-* и *тэтэн-* контекстуально способны реализовывать синтаксическую позицию простого предиката: *хѳни би ололлѳви-ју? би тэтэндиви-дэ* ‘как я сварю <медвежатину>? я ведь **не умею варить** (букв.: я не могу <сварить>)’; *сама бими хѳни албѳси?* ‘если ты шаман, почему не можешь этого <сделать>?’

Глаголы *мэ-* и *ида-* функционально ограничены: финитная форма-связка при семантической части в составе сложного сказуемого, например: *ча поктоду нэнэми идахамби* ‘я по той дороге идти не смог’; *паталаңоңу амба дукутајни илими мѳрини* ‘наша девушка в дом черта войти не может’ и т.п.

Наряду с собственно модальными глаголами в орокском языке могут быть выделены «контекстуально-модальные» глаголы: семантически полноценные глаголы *корни-* 1) ‘располагать временем (сделать)»; 2) ‘успевать вовремя’ и *кулни-* ‘располагать временем’, ‘успеть (сделать)’, например: *тари вѳридуни аҫисални эмэри кулнѳ, нэвтѳккѳри госилоччѳри мэнэ доло лэдэччичи* ‘когда он промышлял так, старшие братья **не успевая** <перетаскивать добытое>, на младшего брата сердясь, разговаривали между собой’; *анкамари этчипу кулне, ун’андѳла хаунилухани, долдиптухани бојон бунини, мо бујаданасини не успели* ‘мы уснуть, как у реки поднялся шум: фыркание и рѳв, треск сучьев (букв.: у реки зашумело: слышался рѳв медведя, дерево ломалось)’; *гѳда мама муки тухэни, бу хуритчимари этчипу кулни* ‘одна старуха упала в воду, мы ей не успели помочь’.

На материале эвенкийского языка О. А. Константиновой также были выделены особые «формы глагольной модальности» [Константинова, 1964, с. 172], которые представлены в орокском языке и условно квалифицируются как «словообразовательная модальность», т. е. модальность, формируемая суффиксальными морфемами. Присоединение словообразовательного модального суффикса к глагольной основе «переводит» ее семантику в условно-модальную. Инвентарь модальных суффиксальных показателей представлен такими суффиксальными показателями, как: 1) суффикс *-гита (-гита, -кита, -кта) / -гитэ (-гитэ, -китэ, -ктэ)* 1) ‘желать’, ‘намереваться совершить действие’; 2) ‘пытаться совершить действие’; 2) суффикс *-вун (-ун, -вн, -в) / -пун (-пон) / -бун (-бон)* 1) ‘заставить’, ‘заставлять совершить действие’; 2) ‘позволять совершить действие’; 3) суффикс *-нда / -ндо / -ндэ* ‘пойти’, ‘отправиться совершить действие’; 4) суффикс *-та / -тта* ‘желать совершить действие’ и др.

Словообразовательная модальность проявляет себя в орокском языке достаточно последовательно, и ее роль весьма значительна, поскольку суффиксальная агглютинация позволяет формировать на уровне одного слова семантику, эквивалентную словосочетанию, например: *мана инэң-инэң сиромбо вѳ-нда-су-си-ни* (*вѳ-* ‘убивать’, ‘убить’ + *-нда* суф. ‘идти’, ‘ходить’ + *-су* суф. многократности + *-си* суф. наст. вр. + *-ни* суф. 3 л. ед. ч. = ‘он убивать ходит’) ‘старик каждый день ходит убивать диких оленей’; *аҫисални пута-нда-та-ҫа-чи* (*пута-* ‘ставить силки на мелкого зверя’ + *-нда* ‘идти’ + *-та* суф. намерения + *-ҫа* суф. прош. вр. + *-чи* суф. 3 л. мн. ч. = ‘они ставить силки на мелкого зверя идти намеревались’) его старшие братья **собирались идти ставить силки на мелкого зверя**’.

Синтаксически объективная модальность выражается предикатами в форме индикатива или юссива, которым присуще значение временной определенности, реальности помещения содержания в один из трех временных планов. Для выражения синтаксической модальности в орокском языке могут быть использованы также не обладающие временной характеристикой причастия-прилагательные и деепричастия-наречия в функции части сложного сказуемого, например: *чаду Баявуса халани улални оккомори мевҫаччѳри чипѳл буччичи* ‘там олени рода Баяуса **не могли пасться**, все умерли’; *дукутакки исуҫаччи бојомбо вѳхани* ‘когда он возвращался домой, убил медведя’; *нѳни чаду дин горо битчичи, саңнамба умирра, чаива умирра* ‘они там очень долго **пробыли**, курили табак, чай пили (букв.: табак **курившие**, чай **пившие**)’.

Обобщая сказанное, хотелось бы подчеркнуть:

1. В качестве начальной формы глагола в орокском языке выступает семантически двувидовая глагольная основа – корневая морфема, которой свойственна видовая корреляция. В русском языке начальной формой является лексическая единица – инфинитив, с семантически закрепленным значением совершенного или несовершенного вида.

2. В системе реализаций видовых значений глагола в орокском языке основную роль играют не временные характеристики, а аспектуальные суффиксальные показатели и контекстуальное окружение глагольного предиката.

3. Маркировка совершенного или несовершенного вида на уровне словоформы в орокском языке осуществляется через расширение основы способом присоединения суффиксальных морфем завершенности/незавершенности действия и не зависит от темпоральных показателей; на уровне предикативной конструкции – через привлечение лексических средств, заполняющих синтаксические позиции обстоятельства.

4. Категория залога в орокском языке представлена активным, пассивным и совместным, в русском языке – активным и пассивным залогами. Наличие совместного залога характерно для всех тунгусо-маньчжурских языков.

5. Категория наклонения в орокском языке представлена индикативом, конъюнктивом императивом и несколькими парадигмами юссива, не имеющими в русском языке аналогов. В русском языке стандартно выделяют индикатив, конъюнктив и императив, иногда – с формой юссива 1 лица множественного числа.

6. Категория темпоральности в русском и орокском языках трехчленна (настоящее, прошедшее и будущее). В орокском языке она распространяется не только на формы индикатива, что характерно для русского, но и на формы императива: они дифференцированы в темпоральном отношении и представлены формами настоящего и будущего времени.

7. Модальные отношения в орокском языке реализуются через формы наклонений глагола, через модальные глаголы положительной и отрицательной семантики, не имеющие аналогов в русском языке.

Список литературы

- Аврорин В. А., Болдырев Б. В.* Грамматика орокского языка. Новосибирск: Наука, 2005.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Болдырев Б. В.* Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007.
- Колесникова В. Д.* Синтаксис эвенкийского языка. М.; Л.: Наука, 1966.
- Константинова О. А.* Эвенкийский язык. М.; Л.: Наука, 1964.
- Кормушин И. В.* Удыхейский язык. М.: Наука, 1998. С. 94–97.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Насилов Д. М.* О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971.
- Насилов Д. М.* Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках (в связи с проблемой глагольного вида) // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л.: Наука, 1978.
- Новикова К. А.* Очерки диалектов эвенского языка. Ч. II. Л.: Наука, 1980.
- Суник О. П.* Ульчский язык. Л.: Наука, 1985.
- Цинциус В. И.* Негидальсктй язык. Л.: Наука, 1982.

L. V. Ozolin'

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
larisa-3302803@rambler.ru

**On the structural and semantic comparability of the grammatical units in the languages
of different typological systems. Part III. The verb as a grammatical class
(based on the material of the Oroch and Russian languages)**

The paper deals with the comparative analysis of the lexical units forming the grammatical class of the verb in the Russian and Oroch languages and specified as the units having a general grammatical meaning of the action realized in time and which occupy the functional position of the predicate in the structure of a predicative construction (a simple sentence). Along with the comparability of the main verb categories, i.e. mood, tense, conjugation, modality, the languages under comparison show a number of structural peculiarities of the Oroch verb determined by the semantic characteristics of the Oroch verb stem. The difference of the semantic structure of a non-derived verb stem from the semantic verb structure in the languages having a clearly expressed category of aspect lies in its more complex organization: a "pure" non-derived stem realizes an aspectual correlation, i.e. is of a dual aspectual character.

Keywords: verb, paradigm, opposition, mood, tense, conjugation, aspect, modality.

References

- Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaja enciklopedija, 1966.
- Avrorin V.A., Boldyrev B.V. *Grammatika oročskogo jazyka* [A Grammar of Oroch]. Novosibirsk: Nauka, 2005.
- Boldyrev B.V. *Morfologija jevenkijskogo jazyka* [The Morphology of Evenki]. Novosibirsk: Nauka, 2007.
- Cincius V.I. *Negidal'sktj jazyk* [The Negidal language]. Leningrad: Nauka, 1982.
- Kolesnikova V.D. *Sintaksis jevenkijskogo jazyka* [The Syntax of Evenki]. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966.
- Konstantinova O.A. *Jevenkijskij jazyk* [The Evenki language]. Moscow, Leningrad: Nauka, 1964.
- Kormushin I.V. *Udyhejskij jazyk* [The Udege language]. Moscow: Nauka, 1998, pp. 94-97.
- LJeS – *Lingvisticheskij jenciklopedičeskij slovar'* [The Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sovetskaja enciklopedija, 1990.
- Nasilov D.M. *Formy vyraženiya sposobov glagol'nogo dejstvija v altajskix jazykax (v svjazi s problemoj glagol'nogo vida)* [The forms of verb aspect marking in the Altaic languages (taking into account the problem of verb aspect)]. In: *Očerki sravnitel'noj morfologii altajskix jazykov* [The Essays on the comparative grammar of the Altaic languages]. Leningrad: Nauka, 1978.
- Nasilov D.M. *O sposobah vyraženiya vidovyh znachenij v altajskix jazykax* [On the means of aspectual meaning marking in the Altaic languages]. In: *Problemy obščnosti altajskix jazykov*. Leningrad: Nauka, 1971.
- Novikova K.A. *Očerki dialektov jevenskogo jazyka* [Essays on the Even language dialects]. Leningrad: Nauka, 1980, pt. II.
- Sunik O.P. *Ul'chskij jazyk* [The Ulch language]. Leningrad: Nauka, 1985.